

Фиванский период в жизни Деметрия Фалерского по длительности и внутреннему наполнению – наименее очевидный и изученный антиковедением. При всей скудости исторических свидетельств, характерной для периода становления эллинизма, внимание к деяниям и личности правителя Афин или первого министра Птолемея находилось превосходило то, которое выпало на долю вынужденного изгнанника, прозябавшего на периферии греческого мира, какой тогда были только-только восстановленные после Александра Фивы. Но как бы там ни было, этот отрезок его биографии был наполнен напряженной мыслительной и творческой работой. Длился он целое десятилетие или намного меньше, нам в точности неизвестно. Даже если путь правителя самого известного полуса Эллады ко двору македонского царя Египта занял гораздо меньше времени, чем принято считать, игнорировать его никак нельзя. Иной раз возможность переоценки прежних свершений и подготовки к новым не менее ценна, чем они сами.

Сергей Белозеров

Фивы и Кассандр

Итак, в самом начале 307/6 года до н.э. – после того, как Деметрий Полиоркет захватил его Афины, - Деметрий Фалерский оказался в Фивах. Этот факт не оспаривается никем. Но дальше единодушные заканчивается.

Общепринятая точка зрения, основывающаяся на указаниях Страбона и Диогена Лаэртского (в свою очередь сославшегося на Гермиппа из Смирны), увязывает смерть Кассандра, покровителя Деметрия Фалерского, и переезд последнего в Египет к Птолемею Сотеру в причинно-следственную зависимость.

Но ей есть что противопоставить.

Цец сообщает, что после своего низвержения и изгнания из Афин Деметрий Фалерский перебрался в Коринф. Несколько неожиданное свидетельство. Заметим, справедливости ради, что оно, кажется, больше нигде и никем не подтверждается. Все остальные источники вместо Коринфа называют Фивы.

Хронология Евсевия Кесарийского и Иеронима Стридонского относит переезд Деметрия Фалерского к Птолемею в Египет ко второму году 119 Олимпиады (303 год до н.э.), однако нам трудно определить, на чем основывались ее составители. Более полный, чем латинский Иеронима, но имеющий с ним разночтения армянский перевод «Хроники» Евсевия не добавляет в этот вопрос ясности.

У Цицерона мы встречаем замечание о том, говорится, что *«глава этого государства Деметрий Фалерский, несправедливо изгнанный из отечества, направился в Александрию к царю Птолемею. Будучи выдающимся ученым в той самой философской школе, присоединиться к которой мы тебя побуждаем, и учеником Феофраста, он во время этого горестного досуга написал много прекрасных сочинений, не преследуя никакой практической пользы, возможности получить которую он был лишен, но эта умственная деятельность была для него некоей пищей его духовной культуры»*.¹ Можно ли понимать Цицерона буквально, для нас большой вопрос.

¹ Цицерон «О пределах блага и зла», V.54, перевод Е.А.Фёдорова.

У нас имеется своё видение рассматриваемых обстоятельств, и мы изложим его в начале нашей александрийской главы во всех подробностях.

До тех пор будем исходить из устоявшейся в науке традиции и описывать событийные перипетии так, как если бы после своего бегства из Афин их бывший правитель действительно задержался в греческих Фивах на целое десятилетие. В таком подходе по крайней мере есть своя логика. Во-первых, из всех названных авторов к нашей хронологии ближе всех стоит именно Гермипп. Правда, история не сохранила нам абзац из его сочинения «О перешедших из философии во власть» дословно, и мы доверяемся Диогену Лаэртскому, хотя знаем за последним некоторое своеобразие в препарировании используемых источников. Во-вторых, со смертью Кассандра в 297 году Деметрий лишился защиты и покровительства, а искать их у его сына Антипатра I (по другой версии – Антипатра II), убийцу своей матери Фессалоники, которая стояла за другого сына – Александра V, не стал. Деметрий симпатизировал Фессалонике, а от молодого Антипатра был далек. Впрочем, эти события произошли чуть позже. При дворе Птолемея, занятого к тому времени устройством внутренних дел в богатейшем Египте, который достался ему в виде сатрапии при разделе империи Александра, а затем стал его персональным царством, на тот момент не было и намека на династические распри, и потому Лагид выглядел для Деметрия Фалерского предпочтительнее отпрысков Кассандра.

К тому же так у нас появляется хороший повод поговорить о Кассандре, его незаконно-рожденном брате Алексархе и кинике Кратете. И о творческих результатах вынужденного досуга Деметрия Фалерского, заполненного интеллектуальными занятиями. Но об этом – дальше, в тексте главы и приложениях.

Писать о фиванском периоде его жизни ничуть не легче, чем об афинском или александрийском. Если не сложнее. Там нам доступно хоть какое-то количество источников, пусть часто паллиативных. Но в случае Фив мы фактически имеем дело всего с одним - скорее назидательным отрывком из трактата Плутарха «Как отличить друга от льстеца» о первой фиванской встрече Деметрия с упомянутым только что Кратетом: *«Говорят, что когда Деметрий Фалерский изгнан был с родины и жил в неизвестности близ Фив ничтожной жизнью, он не захотел встречаться с Кратетом, что к нему пришел, так как ожидал от него кинической прямоты и грубости в речах. Но Кратет приветствовал его со всей учтивостью и заговорил с ним относительно его изгнания, утверждая, что в нём ничего дурного нет и нет никакой причины по его поводу страдать, так как он теперь свободен от своей опасной и непрочной должности; одновременно он его убеждал не скорбеть над собой и своим настоящим положением. Вследствие этого Деметрий, приободрившись и собравшись с духом, заявил своим друзьям: «Как жаль, что прежние мои дела и труды, не давали мне возможности познакомиться с таким человеком, как он!»*.²

Нам опять надобится большое увеличительное стекло. Все остальное приходится домысливать. Мы в положении палеонтолога, которому предстоит по небольшому фрагменту кости вос-

² Плутарх. Как отличить друга от льстеца, XXVIII, перевод Julius.

становить (а потом довообразить ему плоть и кровь) скелет давно вымершего звероящера, жившего за миллионы лет в непролазных тропических чащах на месте нынешней вечной мерзлоты. В отсутствие прямых свидетельств из источников нам, как и в предыдущей главе, приходится, сообразуясь с логикой, намечать сюжетные линии, которые не выглядят невозможными. При этом приводимые факты либо имеющие наибольшее хождение мнения по тому или иному аспекту, истолковывая его под определенным углом зрения и в совокупности образуя внешне правдоподобные версии, не обязательно полно и правильно отражают нашу точку зрения. Нам претит выглядеть тенденциозными, ибо наш главный интерес состоит в том, чтобы даже за случайным совпадением обстоятельств и сцеплением событий угадывались фактура и дух того времени и чтобы читатель имел дело с наивозможно более широким охватом всего информационного массива - для взвешенных и аргументированных суждений.

Еще в одном плутарховском сочинении содержится пассаж, относящийся к фиванскому периоду Деметрия Фалерского больше косвенно: *«Утратив богатство, невозможно нажить новое так же легко и быстро. Но любое место станет родиной тому, кто знает, как питаться и вращать корнями в эту почву, как преуспевать на ней – так, как это получилось у Фемистокла и как удалось Деметрию Фалерскому. Последний жил в Александрии, первый между друзьями Птолемея, и не только сам наслаждался богатством, но и посылал дары афинянам».*³

Довольно любопытный акцент, хотя Плутарх имел в виду вовсе не фиванский отрезок биографии Деметрия. Добавим к нему еще: *«Тот же человек (Деметрий Фалерский) сказал, что тот, кто неспособен с благородством принять удары судьбы, неспособен правильно принять и ее подарки».*⁴

Как же Деметрий Фалерский принял удар судьбы, нанесенный ему в родных стенах? Как вращал корнями в фиванскую почву, когда их выкорчевали из афинской? И почему именно фиванскую?

Первое объяснение лежит на поверхности. Фивы были в руках Кассандра. Выбор у Деметрия Фалерского имелся небогатый. Но имелся. Можно было отправиться ко двору Кассандра в Пеллу и составить там компанию, например, Эвгемеру Мессенскому (если Эвгемер тогда на самом деле, как пишет в «Священной записи», отметился пребыванием при македонском дворе), проводя досуг в любезном и вполне полезительном общении. Эта альтернатива глухому фиванскому захолустью – а Фивы еще не успели набрать былых силы и великолепия⁵ – напрашивалась. Некогда богатая и пышная столица Беотии стала именно захолустьем. До отстройки Кассандром город лежал в руинах почти два десятилетия. Из его населения, рассеявшегося по всей Элладе, - а македоняне, убив шесть тысяч фиванцев, еще в пять раз больше обратили в рабов и продали - на родное

³ Плутарх. Об изгнании, 7.

⁴ Gnomologium Vaticanum 743, no. 256 -100.1-2 Sternbach, перевод наш.

⁵ *«Что касается фиванцев, то Александр настолько опустошил их город, что несколько лет спустя после того, как они были возвращены Кассандром, они не имели достаточно сил, чтобы охранять даже собственные пределы»* - Павсаний. Описание Эллады, кн.VII, VI, 5, перевод С. П. Кондратьева.

пепелище вернулась только малая часть. Стены были восстановлены, за ними внутри сидело правительство, но и только. Реально Фивы не представляли никакой силы – ни военной, ни политической. Своими действиями на протяжении всех десяти лет правления в Афинах Деметрий доказал полную лояльность сыну Антипатра, и навряд ли тот видел смысл и повод возбранять своему «наместнику» выбор местопребывания. Да и сам Кассандр наверняка отдавал себе отчет в необходимости для монарха сочетать власть и мудрость, даже если последняя персонифицируется не в нем самом. Наоборот, между обоими – македонским правителем (а совсем скоро и царем) и афинянином, питомцем аристотелевского Ликея, уже прославившимся в греко-македонском мире в ипостаси оратора, философа-писателя, а теперь уже и государственного деятеля, – кажется, сложились вполне дружеские отношения. Подтвердить это довольно просто, хоть и доводами скорее косвенного характера. Например, Кассандр отличался несколько странным и несвойственным для диадохов увлечением. Евстафий Солунский (Фессалоникийский), автор XII века, сообщает в своем знаменитом «Комментарии на «Илиаду» Гомера: *«Александр Великий, как передают, был большим поклонником Гомера; другой пример – Кассандр, тоже правитель Македонии, как говорят, восхищался Гомером настолько, что знал многие его строки наизусть. Деметрий Фалерский разделял такую любовь к Гомеру: говорят, он первым ввел в обычай рапсодов в театре, которых называли гомеристами. Они распевали стихи Гомера, как другие – Гесиода, Архилоха или прочих».*⁶ Деметрий Фалерский считался авторитетным знатоком гомеровского эпоса и, кроме того, сам писал о великом слепце Эллады.

К тому же Кассандр, как оказалось, переписывался с Аристотелем. Кажется, больше никто из окружения Александра (кроме него самого, конечно) не вступал в эпистолярное общение со Стагиритом. Эта подробность о многом говорит. Но, к сожалению, не в фактографическом смысле.

Как бы там ни было, но Кассандр все десять лет до самой кончины в 297 году до н.э. сохранял этот патрон в своей обойме. Он приберегал его для более удобного случая, нежели тот, который мог предоставить грубый солдафон Лахар. Бывший предводитель наемников продержался в Афинах достаточно долго, но только по счастливой случайности. Вспомним тот самый шторм, который разметал флотилию Полиоркета и вынудил его уйти на Пелопоннес, чтобы там первым делом осадить Мессену (основанную, кстати, фиванцами – место для нее выбирал лично Эпаминонд), а затем выкуривать из главных опорных пунктов гарнизоны Кассандра и Птолемея. Положение Лахара всегда было шатким. Через год с небольшим Полиоркету оказалось достаточно только объявиться на рейде Пирея и организовать продовольственную блокаду Аттики, чтобы режим, установленный с благословения македонского царя, пал. Не помогло даже золото, которое Лахар «реквизировал» у Афины (а точнее – с Афины).

Отношения Афин с Фивами всегда были непростыми. Знали они и времена непримиримой вражды. Хотя случались и периоды взаимного потепления друг к другу. Со слов Плутарха,

⁶ Eustathius, Commentary on Homer's Iliad, 24.482, перевод наш. Вероятно, Евстафий основывается на сообщении Каристия Пергамского, приводимом Афинеем (14.12, 620 b).

афиняне, отказывая в выдаче фиванских перебежчиков спартанцам в 382 году после захвата теми Кадмеи, мотивировали отказ благородством, которое фиванцы проявили двумя десятилетиями раньше. В 403 году те, вопреки требованиям спартанцев давая прибежище афинским сторонникам демократии на своей территории, даже помогли им сформировать вооруженный отряд и захватить Филу.⁷ Четверть века спустя в Беотийской войне Афины выступили на стороне Фив в их борьбе со Спартой, но после разрушения фиванцами Платей перешли в противоположный лагерь. И позже, в битве при Мантинее афиняне были уже заодно со спартанцами против резко усилившихся Фив. Во времена Филиппа II, которого до его восшествия на македонский престол, даже до Мантиinei, еще кронпринцем, в Фивах держал заложником Эпаминонд, фиванцы были его союзниками, а Афины поддерживали противостоявших им фокейцев. Больше того, подписывая с афинянами более чем великодушный по условиям мир, Филипп не преминул забрать себе важный в стратегическом отношении Херсонес Фракийский, облегчавший контроль над Босфором, и взамен пообещал Афинам беотийский Ороп со святилищем Амфиарая. Усвоив персидскую практику в отношениях с греческими полисами, Филипп старался всеми доступными ему способами вбивать клин между ними, чтобы ослабляя единство противостоявших ему сил. Он прекрасно отдавал себе отчет, какую напряженность в отношениях двух соседей создает этим. На самом деле реальная передача Афинам Оропа состоялась в 335 году уже при Александре, который непосредственно перед этим превратил Фивы в руины. В Ламийской войне беотийцы (не Фивы, разумеется) оказались в противоположном Афинам лагере. Они, халкидяне, мегарцы и солдаты из Эрифр встали на сторону Антипатра, но сразу же потерпели тяжелое поражение от Леосфена при Платеях. Тогда беотийцы составляли совсем не одно целое с фиванцами, возвращение которых могло означать для них и возвращение прежнего ига «старшего брата».

Новым Фивам от рождения было едва 8 лет. Восстанавливать их заново Кассандр начал, как считается, в 316 году до н.э. *«Как возликовала Греция, когда Кассандр вновь выстроил его еще краше прежнего; он назначен был служить лишь укрепленным замком, с тем чтобы содержать в покорности область».*⁸

Нас интересует вопрос об участии афинян в восстановлении Фив. Известно, что оно было постоянным и существенным. Павсаний пишет: *«В сооружении Фив самое горячее участие приняли афиняне, но помогли им и мессенцы и аркадяне, занимавшие Мегалополь».*⁹ По крайней мере, городские стены возводились именно афинянами. Что это было? Репарации в натуральной форме, хоть и не прописанные в договоре с Кассандром? Ответная любезность за то, что фиванцы, прислав 500 каменщиков и прораба-контрактора по имени Демосфен¹⁰, помогали возводить ново Длинные стены во времена Конона? Или же Афины добровольно, без принуждения, из чувства эллинской солидарности взвалили на себя миссию помощи своим неуживчивым соседям? Нам это

⁷ Хотя, заметим, годом ранее фиванцы высказывались в пользу разрушения Афин и обращения населения города в рабов.

⁸ Иоганн Густав Дройзен. История эллинизма. Т. II. История диадохов, Москва – Киров, (Технологии истории), 2011, с. 57.

⁹ Павсаний. Описание Эллады, кн. IX, VII, 1.

¹⁰ Диодор. Историческая библиотека, XIV, 85, 3 и IG II(2) 1657, линии 7-9 соответственно.

неизвестно. Как неизвестна роль и степень участия Деметрия Фалерского. Мы вольны здесь фантазировать, полагать ее активной (что представляется наиболее вероятным) или не очень.

Как бы там ни было, дистанция между Деметрием и Кассандром (к слову сказать, его примерным ровесником, а к тому же на некоторое время учеником Аристотеля) уже была разорвана – в тот самый момент, когда фалерцу, делегированному Афинами на переговоры, случилось торговаться с ним по условиям мира от имени города. Или даже раньше, если контакты Кассандра с Аристотелем не ограничились Миезой и перепиской только. Более поздние (и даже в Афинах) тоже можно предполагать. Наведывался ли Кассандр в Афины чуть ранее Ламийской войны и не виделся ли там с Аристотелем и некоторыми его учениками, не исключая и Деметрия, мы можем только гадать.

Но такие поездки в регентство Антипатра не кажутся чем-то невероятным. Подозрения на этот счет может заронить, например, такой пассаж из Плутарха: *«В другой раз, когда Кассандр пытался что-то возразить людям, возводившим обвинение на Антипатра, Александр перебил его и сказал: «Что ты там толкуешь? Неужели ты думаешь, что эти люди, не претерпев никакой обиды, проделали такой длинный путь только ради того, чтобы наклеветать?» (3) Кассандр возразил, что как раз это и доказывает несправедливость обвинения: затем, дескать, они и пришли издалека, чтобы их труднее было уличить во лжи. На это Александр сказал рассмеявшись: «Дорого же вам обойдутся эти Аристотелевы софизмы, это умение говорить об одном и том же и за и против, если только обнаружится, что вы хоть в чем-то обидели этих людей!»¹¹*

Стагирит в завещании обозначил своим душеприказчиком некоего Антипатра.¹² Если им действительно, как полагают, был македонский регент, это может говорить о гораздо более близких отношениях между его сыном, с одной стороны, и Аристотелем и соответственно Деметрием Фалерским, с другой. И, следовательно, выбор Кассандром эпимелета Афин не был таким слепым. Что еще могло остановить выбор Кассандра в переговорах с афинянами на сыне Фанострата?

Кассандр оказался вполне вменяемым и рациональным партнером и охотно согласился на уступки в непринципиальных для себя вопросах. А, возможно, и в принципиальных. Он практически обошелся без репрессий, неизбежных в таких случаях. А, кроме того, все десять лет Деметрия у власти македонский гарнизон в Мунихии, состоявший почти полностью из головорезов-наемников, сохранял подчеркнутый нейтралитет и никак не вмешивался в дела города. И тот продолжал наслаждаться своей ничем более не поколебленной автономией.

Кассандр предпочитал олигархические режимы и в опорных пунктах, в том числе на Пелопоннесе. Он устанавливал их, попутно размещая свой гарнизон. Это единственная причина приписать инициативу во введении¹³ имущественного ценза в Аттике именно ему. Наверняка Кассандра

¹¹ Плутарх. Александр, 74, 2 - 3.

¹² Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов, V, 2, 12, перевод М.Л.Гаспарова.

¹³ Либо восстановлении, если за год с небольшим демократической реставрации его отменяли, что более чем вероятно – но лишь в плане декларации, вряд ли реального воплощения.

мало занимал вопрос о величине и границе ценза для афинского гражданства, и он просто отдал его на откуп Деметрию. В конце концов, сойдясь со своими бывшими соратниками в долгой и кровопролитной схватке за наследство Александра, любой диадох (каковым не по форме, но по сути был Кассандр, ведь Антипатр сошел со сцены совсем рано, когда будущая размолвка между ними только брезжила в неясной перспективе) мог иметь свои личные идеологические предпочтения – демократические, олигархические, тиранические или еще какие. Которыми для достижения своих целей иногда поступался, поскольку на первый план всегда выходили соображения скорее технического либо пропагандистского характера. Для обеспечения управляемости демократический режим в полисе оказывался наименее удобен для партнера-диадоха. Центры принятия решений в этом случае были обычно размыты. С давних времен для подобных случаев были выработаны свои безотказные рецепты и приемы, и персонажи раннеэллинистической истории их, конечно, знали и применяли. Но с олигархическими группами у кормила либо единственным человеком во главе полиса выстраивать отношения несравнимо проще, надежнее и дешевле.

Из тактических побуждений почти всем риставшимся между собой диадохам случалось прибегать к популистской риторике. Пионером в жанре демократических прокламаций среди них стал Полисперхонт. Вдоволь поигрались в освободителей Эллады от тиранического и олигархического ига Антигон Монофталм с сыном Деметрием Полиоркетом. Они были настолько убедительны и правдоподобны в этой роли, что ввели в заблуждение даже доверчивого Плутарха. Кассандр здесь не проявил напрашивавшейся гибкости – он не писал освободительных воззваний и не заискивал перед городами, даже если в этом был сиюминутный смысл. А он был. Многие проблемы Кассандра с городами и их отношением к нему проистекали из-за контраста его действий – всегда оканчивавшихся размещением в них гарнизона - с освободительной риторикой Полисперхонта и Антигона. Такая склонность могла быть главной причиной неприязни к нему афинян (да, пожалуй, и подавляющего большинства греков вообще). Хотя сама природа этой неприязни (а порой даже ненависти) скорее иррациональна.

Довольно скоро после Вавилона в Греции стали циркулировать слухи о том, что Александр умер не своей смертью. На сегодня существует несколько версий этой легенды, зафиксированных главным образом в фольклорных¹⁴, а не исторических источниках. Хотя Юстин¹⁵ мог дать им пищу. Отчасти солидарны с ним Курций Руф и Диодор, однако в отличие от Юстина они ссылаются на свидетельства других писателей. Арриан и Плутарх считают версию об отравлении недобросовестной выдумкой. Ее сторонники несколько разнятся в деталях, однако сходятся в главном. У Антипатра, которого Александр – в основном из-за жалоб Олимпиады - собирался отстранить от должности и, скорее всего, подвергнуть суровому наказанию, если не сразу смерти, и у его сыновей Кассандра и Иоллая был мотив именно в момент нахождения, а затем и кончины Александра в Вавилоне. Возможно, устроитель роковой пирушки Медий пособничал якобы бывшему его лю-

¹⁴ Вальдемар Геккель обратил внимание на то обстоятельство, что в большинстве своём они были удивительно выгодны как раз Полисперхонту, - Waldemar Heckel, *The Last Days and Testament of Alexander the Great. A Prosopographic Study*. Stuttgart, Franz Steiner, 1988.

¹⁵ Марк Юниан Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «История Филиппа», 12.14.6.

бовником Иоллаю, виночерпию Александра. Иоллай подлил отраву в напиток, который затем подал македонскому завоевателю Азии. Согласно тем самым «Последним дням...», зелье сразу не подействовало, и Иоллаю пришлось предлагать Александру вторую дозу, которая и довершила дело. Речь шла об отравленной воде из Стикса, и привез ее Кассандр якобы в выдолбленном ослином копыте. Плутарх в жизнеописании Александра не обходит вниманием эту версию: *«Те, кто утверждает, что яд был послан Антипатром и что Антипатр сделал это по совету Аристотеля, ссылаются на рассказ некоего Гагнофемиды, который сообщает, что слышал об этом от царя Антигона. Ядом, как передают, послужила ледяная вода, которая по каплям, как роса, стекает с какой-то скалы близ Нонакриды; ее собирают и сливают в ослиное копыто. Ни в чем другом хранить эту жидкость нельзя, так как, будучи очень холодной и едкой, она разрушает любой сосуд».*¹⁶

Самое забавное, что в последнее столетие предпринимались попытки экспериментально подтвердить версию об отравлении Александра. Указывалась даже река, которая была Стиксом. Это речушка Мавронери (переводится как «черная вода») на севере Пелопоннеса, которая, прежде чем уйти под землю, а потом впасть в Акрату (в те времена Кратис), все-таки немного течет на поверхности. Дж.Дж.Фрэнгер в 1913 году говорил о том, что забор воды из нее не дал результатов, способных подтвердить легенду об отравлении Александра. Однако ее сторонники позже утверждали, что дело в неких бактериях (*calicheamicin*), живущих в известняковых породах русла Мавронери, и они-де могли вызвать симптомы, которыми мучился Александр. Ну и т. д. Кто пустил в оборот эти слухи, мы точно не знаем и можем только предполагать. Псевдо-Плутарх приписывает их тщаниям Гиперида, прошедшего через эклесию псефисму насчет почестей для Иоллая, избавителя греков от македонского завоевателя.¹⁷ В источнике можно усомниться - известно, что некоторые сочинения этого «Плутарха» не старше средних веков Европы. При этом выглядит довольно странным то обстоятельство, что почестями был увенчан только Иоллай, а Кассандр, привезший отравленное снадобье в Вавилон, остался даже без упоминания. Хотя ко времени Гиперида Кассандр еще не устанавливал свой протекторат над городом.

Больше всего мотивов, как представляется, было у Олимпиады, матери Александра, ненавидевшей Антипатра и весь его род. Не имея возможности лично отомстить Иоллаю, который приходился сыном Антипатру и старшим братом Кассандру, а у Александра, как уже упоминалось, был кравчим, она разрыла его могилу и надругалась над хладным трупом. Зато там, где ее всепоглощающая мстительность могла обратиться на живых людей, Олимпиада поддалась дикому и необузданному в своей лютой жестокости порыву. Помимо Филиппа Арридея и Эвридики, представлявших в царском доме линию Филиппа II, она умертвила Никанора¹⁸ и примерно сотню знатных македонян, хоть как-то отметившихся знакомством и поддержкой Кассандра.

Кассандр видится нам сложным человеком. *«Быть может, среди диадохов и эпигонов нет ни одного характера, который подвергался бы таким различным суждениям, как харак-*

¹⁶ Плутарх. Александр, 77, 2.

¹⁷ Псевдо-Плутарх. Жизнеописания десяти ораторов. 849 F.

¹⁸ Диодор. Историческая библиотека, XIX.11.8.

тер Кассандра. Указывается на то, что он был высокообразованным человеком,¹⁹ что он крайне любил Гомера, что он поддерживал отношения с людьми, получившими высшее научное образование. Мы можем прибавить, что во всяком случае его положение было трудным и его поступки более подвергались превратным толкованиям, чем поступки других вельмож, что его роль постоянно приводила его в столкновение с греками и с царским домом, невольно подкупающими суждениями в свою пользу, и что, однако, во многих отношениях его благоразумие, умный выбор средств и его твердость в достижении того, что он считал необходимым, заслуживает похвалы; мы должны признать, что он никогда, подобно Полисперхонту, не рисковал возможностью успеха ради полумер и соображений, свидетельствующих если и не об уме, то о доброте сердца, что он действительно представляет собой характер, одаренный такой силой воли, которая твердыми шагами идет к поставленной себе цели и достигает ее во что бы то ни стало. Но мы не замечаем в нем также ни одной черты, которая могла бы примирить с требуемой обстоятельством суровостью и холодностью его характера».²⁰

Когда Кассандр принимал решение заново отстраивать Фивы, за ним не стояла злодейская смерть Роксаны, первой жены Александра, дочери согдийского вельможи Оксиарта, и маленького царевича Александра IV, которая оказалась на руку всем диадохам, только-только завершившим свою Третью войну мирными договоренностями 311 года и недолгой передышкой перед следующей. Да, за Кассандром числилась казнь Демада и его сына Демеи, однако Демад отнюдь не пользовался любовью сограждан. Достаточно сказать, что после кончины Александра его подвергли параномии (даже историки путаются в количестве предъявленных ему обвинений), атимии и громадному штрафу по графэ асебия. Хотя умерщвление официальных послов не должно было восприниматься со стороны, а тем более самими афинянами безразлично. Да, Кассандр не оценил того, что фрурарх Мунихии Никанор верой и правдой служил ему, и в итоге безжалостно расправился с ним, но это были разборки внутри македонской армии. Да, он сумел воздать Олимпиаде смертью за смерть и даже, по свидетельству Диодора, оставил ее без погребения²¹, но с учетом всего того, что она содеяла перед этим, бросить в Кассандра полновесный камень трудно. Особенно после того, как он с великим почетом похоронил в Эгах убитых Олимпиадой Филиппа Арридея и Эвридику вместе с матерью Эвридики царицей Кинаной, ранее умерщвленной Пердиккой, и устроил в их честь погребальные игры. Да, он не устоял перед искушением и убил-таки защитника

¹⁹ Не исключено, что хорошим образованием достоинства Кассандра не ограничивались. Возможно, он обладал и достаточно тонким художественным вкусом – если, например, заказывал Филоксену из Эретрии описанную впоследствии Плинием Старшим картину, изображавшую эпизод из сражения войск Александра и Дария, ставшую в древности знаменитой

²⁰ Иоганн Густав Дройзен. История эллинизма. Т. II. История диадохов, Москва – Киров, (Технологии истории), 2011, с. 148.

²¹ Существуют альтернативные диодоровскому пассажию точки зрения. Одна – будто бы он все-таки похоронил ее, но без положенных ее статусом погребальных обрядов. И другая – будто бы он перевез ее (если собрание выносило приговор там) или ее тело то ли в Амфиполь, то ли в Эги, то ли еще куда-то, где ему пришлось все-таки выполнить положенный погребальный ритуал, ибо Роксана и ее сын Александр IV, попавшие ему в руки одновременно с Олимпиадой, на тот момент все еще являлись законными наследниками. И только потом, когда стало возможно, осквернил ее могилу точно таким же образом, каким она поступила с останками Иоллая.

Амфиполиса Аристоноя, назначенного Олимпиадой стратегом, хотя перед сдачей города тот выговорил себе жизнь. Но лес рубят – щепки летят. Аристоной, как и Никанор, тоже был щепкой из чужого, македонского леса.

В том измышлении, кто бы ни стоял за ним, - Олимпиада, афинские демагоги или еще кто, - Кассандру отводилась всего-навсего роль курьера, привезшего в Вавилон Иоллаю от Антипатра губительное зелье для Александра. Легенда об отравлении великого царя в Вавилоне одним концом была по Антипатру, победителю в Ламийской войне и регенту (через какой-то год), другим по его сыну Кассандру – двум родственникам, которые доставили Афинам (а, вернее, афинским демагогам) немало унижений. Больше всего остального – гарнизоном в Мунихии. Афиняне ненавидели и Александра и с этой точки зрения должны были бы питать к тому, кто (предположительно) помог свести его в могилу, гораздо более теплые чувства. Но, как и в случае с Аристотелем, демагоги и толпа не слушали голос разума и очевидной логики. После флирта Афин с Полисперхонтом и его сыном Александром Кассандр дал им более чем щадящие условия мира, но город не оценил и этого. Не исключено, что, вступая с ним в переговоры, афиняне рассчитывали вернуть себе Пирей. Но подобные упования не выглядели реалистичными. Возможно, они могли надеяться на отмену попиравшего их гордость ценза — в классических Афинах его не было. Их ожидания были обмануты.

Отсвет ненависти афинян к Кассандру лег и на Деметрия Фалерского. Находясь в дружеских отношениях с поработителем Афин, он не мог рассчитывать на их признательность, какими бы громкими и великими ни были достижения и успехи во время его управления. Близость к Кассандру ему не простили до самого изгнания.

Но мы слишком удалились от темы. Вернемся к Фивам.

Конечно, у Кассандра были собственные причины затевать восстановление Фив. Отстроенный город был хорошо укреплен на случай наступления противника и представлял собой вторую заградительную полосу после крепостей и гарнизонов Аттики. Новое появление знаменитого полиса на карте Греции прекрасно укладывалось в градостроительную политику Кассандра.

Тогда же он заложил неподалеку от Потидейского канала свою новую столицу, заселив на началах синойкизма (как и Фивы) остатками населения бывшей здесь ранее Потидеи, Олинфа и других городов Халкидики, и назвал ее своим именем.

Заметим – до разрушения Филиппом здесь ее и всех городов, кроме Амфиполиса и Пидны,²² Потидея принадлежала афинской клерухии.

Кассандрия во время его царствования играла заметную роль (и не только потому, что земля на Пеллене отличалась редким плодородием) и остается хорошо обжитым местом и в наши дни, только «профиль» ее стал другим – курортным. Собственно, и сам первый «палец» полуостровного трезубца Халкидик, тогда называвшийся Палленой, сейчас именуется Кассандрой. Еще один город – Фессалоника (нынешние Салоники) – Кассандр чуть позднее (примерно через год) основал

²² В Амфиполисе под присмотром верного Главкия Кассандр держал азиатскую вдову Александра Македонского Роксану и ее сына Александра. В Пидне он осаждал Олимпиаду.

на месте малозначительной рыбацкой деревушки на берегу одноименного ей Термейского залива и использовал для названия имя попавшей к нему в плен дочери Филиппа, на которой только что женился, породнившись таким образом с царским домом. Разумеется, в создании новой топонимии ему было трудно тягаться с Селевком и его сыном Антиохом, вместе основавшими примерно 75 городов в разных местах своих владений. И даже Лисимахом, который принимал самое деятельное участие в строительстве новых городов в Малой Азии. Однако восстановление Фив и (в меньшей степени) Потидеи могло стать светлым пятном на незавидной репутации Кассандра.

По распространенному мнению, Кассандр всегда питал к Александру плохо скрываемую враждебность и не упускал случая задеть память о нем. Попробуем допустить, что дело обстояло именно таким образом.

Их обоюдная неприязнь могла начаться еще в македонской Мезии, где оба, а также Гефестион, Лисимах и даже, возможно, Птолемей слушали Аристотеля. Или раньше – ведь семья Кассандра, согласно некоторым источникам (впрочем, более ничем не подтвержденным) состояла в отдаленном родстве по побочной линии с Аргеадами. Может быть, Кассандр уже тогда ощущал свою неполноценность перед законнорожденным отпрыском Филиппа, случайным баловнем судьбы. Он, как мы уже говорили, поддерживал регулярную переписку с Аристотелем, а тот не простил Александру участь своего родственника Каллисфена. Если так, то, конечно, отстроить заново город, разрушенный Александром, или поставить новый на месте прежнего, от которого оставил пепелище его отец, - лучшего стимула трудно было желать.

Афиней приводит мнение историка Эфиппа Олинфского относительно того, что истинной причиной смерти Александра был гнев Диониса за разрушение царем его родных Фив: *«Протей Македонский также много пил, как Эфипп говорит в книге "О погребении Александра и Гефестиона", и всегда отличался крепким телосложением, хотя был горьким пьяницей. Александр, например, однажды потребовал чашу вместимостью в два хоя и выпив, предложил тост за здоровье Протея. Тот взял чашу, и пропев хвалу царю, он выпил под всеобщие аплодисменты. Некоторое время спустя Протей потребовал ту же самую чашу, и опять выпив, провозгласил тост за царя. Александр взял ее и смело притянул к себе, но не мог удержать, откинулся назад на подушки и уронил чашу. В результате он заболел и умер, потому что, как Эфипп говорит, Дионис был сердит на него за то, что он осадил его родной город, Фивы»*.²³ Версия Эфиппа выглядит апокрифом, поскольку подтверждений ей в других дошедших до нас источниках мы не знаем. Тем не менее сама тема враждебности Диониса к Александру в них все-таки присутствует. Например, в рассказах об убийстве Клиты - Арриан²⁴, Курций Руф²⁵ и Диодор.²⁶ Да и Плутарх в жизнеописании македонского покорителя Азии, соглашаясь с их версией эпизода с Клитой, дополняет её: *«Более того, убийство Клиты, совершенное им в состоянии опьянения, и трусливый отказ македонян следовать за ним против индийцев, отказ, кото-*

²³ Афиней. Пир мудрецов, 10.44 р. 434а-в.

²⁴ Арриан. Поход Александра, 4.8.2 и 9.5-6.

²⁵ Квинт Курций Руф. История Александра Македонского, 8.2.6.

²⁶ Диодор. Историческая библиотека, периохи к книге XVII.

*рый оставил его поход незавершенным, а славу не полной,— все это Александр приписывал гневу и мести Диониса».*²⁷ Кассандр мог держать это в голове — как еще один мотив, дополняющий целое.

*«Ему как будто казалось, что для достижения этой цели его честолюбия надобно вредить самой памяти прежнего царского рода; он старался по возможности ослаблять воспоминания о Филиппе и Александре. Не столько по желанию приобрести расположение греков, сколько в оскорбление памяти Александра, он велел восстановить Фивы; он хотел показать этим, что неприязнь между Македониею и свободою Грециею должна исчезнуть вместе с македонскою династиею, которая произвела ее своими действиями».*²⁸

*«Хотя позднейшие годы и более высокая цель, которую он видел перед собою, и научили его сдерживать вспышки своего грубого и резкого характера, но его отношение к роду Александра, его ненависть и насмешка над всем, что напоминает великого царя, будет всегда оскорблять наше чувство; и если благодаря своему уму он при случае умеет казаться также добрым, миролюбивым и великодушным, то такая маска не может скрыть его характера, который является тем более отталкивающим, что он эгоистичен, безжалостен и эгоистичен. В Кассандре заметна сильная черта макиавеллиевского *principe volendo si mantenere*; он умеет *crudelita ben usate* и научился *aessere non buono ed usario e non usario secondo la necessita*. Между тем как под управлением других диадохов создаются новое время и новые успехи, его деятельность является только отрицательной, только подавлением достигшего высокого подъема македонского духа, только разрушением того, что создавали великое время и великие дела. История избрала его быть палачом царского рода».*²⁹

Олимпиаде было не дано пережить своего внука. А теперь и Роксана с последним отпрыском Александра, тоже Александром, только IV, были у Кассандра в руках. Возможно, тюремщик уже чувствовал, что ненависть к тени покойного завоевателя Азии и возможность пресечь его род³⁰, навсегда выкорчевав из истории Македонии, когда-нибудь приведет его на грань, переступить которую далеко не всем хватит духа.

Род Александра Великого, а вместе с ним и четырехвековое правление династии македонских Аргеадов пресеклись в 309 году до н.э. И Александр IV, признанный еще по рождении в Вавилоне законным наследником империи своего отца, с матерью, согдийкой Роксаной, и незаконнорожденный Геракл с персиянкой Барсиной окончили жизнь не по своей воле. Первых по приказу Кассандра в Амфиполисе, где их держали в заточении, отравил страж Главкий; вторых за пир-

²⁷ Плутарх. Александр 13.3.

²⁸ Георг Вебер. Всеобщая история. Том 3. Римская история до конца республики и история Александрийско-Греческого мира. Кссандр и Полисперхонт. — перевод Андреева (Н.Г.Чернышевского).

²⁹ Иоганн Густав Дройзен, указ. соч., с. 148 -149.

³⁰ Юстин (12.7.11) утверждает, что у Александра был ребенок от индийской царицы Клеофис из Массаги (ныне территория Пакистана), но если это и было на самом деле, возможный ребенок остался с матерью.

шественным столом в Стимфеоне задушили люди Полисперхонта - вроде бы по уговору последнего с тем же Кассандром.³¹

Восстановление Фив, сумасбродный философ-мечтатель Эвгемер из пелопонесской Мессении или сицилийской Мессены, одержимый завиральными фантазиями, и блестящий афинский оратор должны были помочь Кассандру обмануть судьбу изгоя среди греков. А его гарнизоны в городах Эллады, закаленная в сражениях армия, прошедшая через все кампании и верная ему, - удержаться в Македонии. В Вавилоне Александр в гневе ударил Кассандра, а позже посмеялся над ним. Антипатр - тот, кого он тогда защищал перед Александром, обошел его регентством в пользу старика Полисперхонта, который, подвыпив на воинских попойках, в шафрановом платье и сиционских башмаках пускался в пляс – как свидетельствует наш старый знакомый Дурид Самосский в семнадцатой книге «Истории».³² Того самого, который нарушил самый главный завет, оставленный ему Антипатром при передаче регентства на смертном одре, - не наделять властными полномочиями женщин, - и призвал Олимпиаду. Хотя Антипатр, конечно же, имел в виду именно ее, и только во вторую очередь – дочь Киннаны Эвридику, с которой находился в крайне неприязненных отношениях.

Плутарх рассказывает, что Кассандр даже перед мертвым Александром ощущал неистребимый ужас. И приводит в подтверждение анекдот о статуе Александра в Дельфах, попавшейся на глаза Кассандру.³³

Кассандр скоро купит за Пелопоннес сына Полисперхонта Александра, а чуть погодя – и его самого. Того самого, который должен делить с ним «славу» могильщика царского рода. Сначала Полисперхонт захватит Филиппа III Арридея с его женой-племянницей – той самой Эвридикой - и передаст их Олимпиаде, заведомо предугадывая их участь. А затем прикончит Геракла, еще одного сына Александра, только от Барсины. И даже похоронит со всей возможной скрытностью в потаенном месте. Зато Кассандр сполна насытит свою жажду мщения. Его победа станет окончательной после того, как благодаря ему сойдут в могилу последний сын Александра Македонского и его жена из далекой Согдианы. Кассандр оставит в живых лишь плененную сестру Александра Фессалонику, дочь Филиппа II от фессалийки, – только затем, чтобы жениться на ней и отобрать трон у наследников Александра. И на двадцать лет без малого утвердится полноправным властителем Македонии благодаря своему уму, силе характера и Фессалонике. Хоть формально царский скипетр примет одиннадцатью годами позже.

³¹ Полной определенности относительно обстоятельств гибели Александра и Роксаны источники нам не дают. Главкиа называют то ли управителем города, то ли просто начальником стражи. Более того, согласно Павсанию (9.7.2) и Юстину (15.2.3-5) их гибель на совести одного Кассандра. Павсаний причиной смерти и Геракла с Барсиной называет отравление; Юстин (Помпей Трог) переставляет хронологию злодеяний. Надобно заметить, что многие исследователи вообще сомневаются в реальности связи Александра с Барсиной, а некоторые полагают даже, что убиенный Геракл был подложным, самозванцем, понадобившимся только как еще одна «карта» в тогдашних играх диадохов.

³² [FHG.II.476].

³³ *«Вообще, как сообщают, непреборимый страх перед Александром так глубоко проник в душу Кассандра и так прочно в ней укоренился, что много лет спустя, когда Кассандр, к тому времени уже царь македонян и властитель Греции, однажды прогуливался по Дельфам и, разглядывая статуи, неожиданно увидел изображение Александра, он почувствовал головокружение, задрожал всем телом и едва смог прийти в себя»* - Плутарх. Александр, 74, 4.

Но все тот же случай не оставит судьбу династии Антипатридов без своего участия и вернет ей все долги за семейство Александра Великого. Кассандру не дано было знать, что за три года – начиная с мая 297 года – в могилу сойдут и он сам, и двое его сыновей. Причем только он и в лучшем случае один из них, Филипп, после него побывший царем Македонии (Филиппом IV) совсем недолго, умрут своей смертью, а Александр V и Антипатр I (II), сначала высланный, – насильственной. Последний, бежав в 294 году от Полиоркета к Лисимаху, будет убит тем через 7 лет.

Нарывы недовольства установленным порядком вещей впервые прорвутся в 279 году именно в Кассандрии, где некий Аполлодор на волне возмущения неимущих слоев установит свою тиранию, пока в дело не вмешается Антигон Гонат – сын того самого Деметрия Полиоркета, с которым Кассандр сражался почти весь остаток своих дней.

Такова в общих чертах канва жизни Кассандра после Вавилона – как её преподносят нам Плутарх, Павсаний и подпавшие под обаяние их славы и таланта писатели нашего времени. Но мы вправе задаться вопросом, насколько в самом деле ненависть и злопамятность были её главным лейтмотивом. И насколько к логике художественного вымысла, водившей стилосами его биографов, далека или близка историческая истина. Не грешили ли они невольно против неё, не застигли ли их беспристрастность вполне извинительные человеческие симпатии или антипатии и ложно понятое писательское предназначение бичевать то абстрактное «оскорбление наших чувств», о котором в приведенной выше цитате говорил Дройзен.

Нам сдаётся, что они были слишком несправедливы к Кассандру – из-за его роли в судьбе рода Александра. И кое-что в его истории видели не так, как было, а так, как им казалось правильным и поучительным.

Павсаний явно не благоволил Кассандру. Это чувствуется даже по одному только рассказу о смерти македонского царя и её красочным подробностям: *«Но и сам он не очень радостно окончил свою жизнь. Он весь распух от водянки, и поэтому у него при жизни завелись черви»*.³⁴ Но водянка (то бишь асцит брюшной полости) – не единственная возможная версия. Имеются еще свидетельства Георгия Синкелла³⁵ и Евсевия/Порфирия³⁶. Они причиной смерти Кассандра называли «истошающую болезнь», то есть фтизис, «обычный» туберкулез. И это больше похоже на правду. От него умер Филипп IV, его сын, вскоре после восхождения на македонский трон. Туберкулез – не наследственный недуг, но, возможно, Филипп просто заразился им от отца.

Есть что противопоставить и Плутарху, которому, кстати, принадлежит во многом схожий с этим павсаниевским рассказ о последних днях Суллы. Херонейский историк приписал (см. выше) Кассандру – не впечатлительной институтке, а взрослому мужчине – предрасположенность к психоневрологическим эксцессам. Тому, кто многожды преодолевал все возможные в его положении трудности и испытания, проходил все горнила и всякий раз проявлял редкостное хладнокровие, волю и, пожалуй, мужество. Перетерпел обиду на отца, обошедшего его регентством в пользу

³⁴ Павсаний. Описание Эллады, кн. IX, VII, 2, перевод С.П. Кондратьева.

³⁵ Георгий Синкелл. Хронография, 320.

³⁶ FGrH 260 F3.4-5.

«шакала среди львов»³⁷ Полисперхонта, и свою изначально незавидную роль аутсайдера в ристании наследников за место под средиземноморским солнцем. Прошел ради своей цели через множество кровопролитных сражений, в которых на карту ставилось не только его положение, но и сама жизнь. Самым первым - задолго до Птолемаиды, Антигонии и Лисимахии – решил назвать свои городские новостройки династическими именами – Кассандрией и Фессалоникой. Хотя диадему примерил, кажется, после всех. Но при этом вперед остальных выпустил свои «царские монеты». И, наконец, не побоялся совершить шаг, за который, он это прекрасно осознавал, ему до конца дней нести бремя всеобщего осуждения. Но, как оказалось, сурово судили его не только современники, но и по заданной ими инерции потомки – как уже цитированные Дройзен, Георг Вебер, так и другие.

Вряд ли обмороки принадлежали к числу добродетелей Кассандра. Плиний Старший упоминает о том, что Филоксен из Эретрии написал для Кассандра знаменитую в древности картину с изображением сражения между Александром и Дарием – то ли при Иссе, то ли гавгамельского.³⁸ С неё еще, кажется, скопировали одну из самых узнаваемых древних мозаик - напольную «Мозаику Александра» с эседры «Дома Фавна» в Помпеях. Не слишком характерное поведение для закланного зложелателя македонского победителя Азии, *n'est-ce pas?*

Если окажутся верны догадки археологов и историков относительно нахождения в Вергине (тогдашние Эги) гробниц Филиппа II и Кассандра, - а к этому располагает нехарактерно пышное убранство погребальных камер, - их соседство может поставить крест на вере в бескомпромиссную враждебность Кассандра к Аргеадам. Но в этом окончательной уверенности нет. Нахождение останков именно Кассандра в одной из пары десятков гробниц обнаруженного в 2014 году некрополя учеными пока только предполагается. Как и принадлежность отличающейся нехарактерно пышным убранством гробницы II другого, более раннего комплекса, раскопанного в 1977 году, Филиппу II, убитому Павсанием как раз в Эгах. Последнюю альтернативная точка зрения объявляет сейчас захоронением Филиппа Арридея и Эвридики. Но и здесь многое остаётся неясным. Они приняли смерть, кажется, в Амфиполисе, а затем примерно через полгода Кассандр перезахоронил их в Эгах. Но с недавних пор и некрополь Каста недалеко от Амфиполиса (километр с небольшим от археологического парка и музея – на полдороге до Неа Месолаккия) отдельные ученые и пишущие люди признают гробницей... Кассандра, а не Гефестиона, Кинаны или даже Антипатра либо Олимпиады, как в разное время предполагалось ранее!

С чего бы Кассандру было так взъесться на Александра? Выволочка от царя могла подействовать на юнца с психикой, истончённой до микронных долей. От царя, который перед этим не пощадил Клита, Филоту и Пармениона, а тут только поколотил его? Его, своего нечаянного сменщика на македонском троне, доказавшего стойкость и силу воли четвертьвековой борьбой за царскую диадему – начиная с самого вавилонского назначения главой царских телохранителей?³⁹

³⁷ Выражение Вальдемара Геккеля.

³⁸ Плиний Старший. Естественная история, XXXV, 110. Мы пользовались IX томом «Natural History» от «The Loeb Classical Library» издания 1961 года - перевод Х.Рэкхэма.

³⁹ Юстин, указ. соч., XIII, 4, 18.

Мы менее всего настроены оправдывать Кассандра. Однако объективность требует смотреть на вещи трезво и беспристрастно. Александр IV и Геракл своим существованием мешали всем. Их участь predeterminedилась с самого Вавилона. Дети Александра были приговорены и обречены на заклятие. Не Кассандр, так кто-то другой из наследников Александра – Лисимах ли, Селевк или ещё кто – бестрепетной рукой принёс бы оставшихся Аргеадов в жертву своему честолюбию и жажде власти. Или все вместе – включая Полисперхонта, на совесть которого можно записать Филиппа Арридея с Адеа-Эвридикой и Геракла с Барсиной.⁴⁰ Но не повезло Кассандру – ибо ему досталось отвоевать во владение и правление общую для наследников Александра метрополию.

Безусловно, по своим амбициям и совокупности соответствовавших им личностных качеств Кассандр заслуживал полноправного места среди диадохов, хотя, как и Деметрий Полиоркет, таковым формально не являлся. Он выиграл трудный естественный отбор и прошел кастинг на эту роль, хоть и не с первой попытки. Наверное, в чем-то он уступал Антигону, сильнейшему среди последователей Александра, его сыну Деметрию Полиоркету, от которого в основном терпел чувствительные поражения (взять хотя бы афинские кампании и сражение при Фермопилах, где, правда, его армия почти вдвое уступала в живой силе), и Птолею. Однако подмять под себя всю Грецию и Македонию было под силу далеко не всякому. И до вторых Фермопил у Кассандра были первые – которые он, перехитрив этолийцев, преодолел почти гениальным маневром с переправкой войск по морю в Фессалию.⁴¹

Он оказался дельным и способным правителем. Его Македония вышла из всех схваток - с Антигоном и Деметрием, этолийцами, иллирийцами, эпиротами, кельтами и т.п. - и передраг закалившейся и окрепшей. И не только в военном и экономическом отношении. Она попутно отстроилась и даже внешне похорошела. *«Отчеты археологов свидетельствуют, что основные объемы строительной программы⁴² пришлось на/производились во время правления Кассандра, который наследовал сводному брату Александра Филиппу III Арридею на троне Македонии и обеспечил стране два десятилетия процветания и стабильности – с 316 по 297 г.г. до н.э. На раскопках в Македонии обнаружили прекрасные настенные росписи, мозаики и предметы роскоши, сделанные из слоновой кости, золота, серебра и бронзы, - эти вещественные признаки стиля и образа жизни аристократической элиты при режиме, который ничем не походил на демократические города-государства, Афины в особенности. В то время как в Афинах и остальной Греции само искусство и другие ценности предназначались богам, в Македонии они чаще обживали дворцы, дома и гробницы».*⁴³

⁴⁰ Вспомним, что и Роксана приложила руку к устранению Статиры, хотя о беременности последней от Александра ничего не известно.

⁴¹ На самом деле Кассандр еще как минимум однажды проходил Фермопилы – после взятия Пидны и казни Олимпиады. В тот раз ему удалось, хоть и не без труда, выбить этолийцев и пройти в Беотию.

⁴² Имеются в виду работы по укреплению городских стен, переустройству дворцов и созданию мемориальных комплексов вне городов.

⁴³ O.Palagia. Hellenistic art. – в: Brill's Companion to Ancient Macedon. Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC-300 AD, гл. 23, Brill, 2011, с. 477, перевод наш.

Как представляется, ментальности Кассандра вполне хватило бы сделать из Пеллы то, что получилось у Сотера с Александрией. Если бы судьбы отпустила ему больше жизненного ресурса. И больше Деметрия Фалерского.

В рамках интересующей нас темы мы достаточно сказали о личности Кассандра.